

Юрий Муренький

Венец силы

Из греческих мифов:

В глубокой древности в горах Скифии проживало небольшое, но сильное своей сплоченностью и таинственными познаниями племя аратов. Все попытки их соседей покорить крохотный по размерам, но богатый край оборачивались жесткими поражениями для нападавших. Араты прочно удерживали свои земли, не стремясь к завоеваниям, но легко давая отпор всем даже численно превосходящим завоевателям. И соседи смирились с тем, что с ними рядом существует маленькое государство, с которым приходится говорить, как с равным. Араты жили очень замкнуто. Ни путешественники, ни купцы не могли проникнуть в центр их владений. Легенды одна таинственнее другой окружали этот странный народ. Говорили, что от жизни в пещерах они все очень маленького роста, что правит ими колдун, познавший все знания мира. Что, роясь в своих горах в поисках драгоценных камней араты скопили огромное богатство. Но во время одного из нашествий кочевников

племя исчезло, словно растворившись в горах. И после них не осталось никаких следов. Только легенда о народе призраке.

Над ущельем медленно парили орлы. Их привлекло сюда скопление вооруженных людей. Многовековой инстинкт подсказывал им там, где собираются вооруженные люди, всегда бывает пожива. С высоты своего полета они жадно рассматривали своими зоркими глазами копошившийся в глухом горном ущелье, человеческий муравейник, ожидая, когда у них появится добыча. Людей в ущелье мало волновали орлы. Те, кто заделывал проход в скале и те, кто был занят укладкой огромных валунов в русло реки, спешили подгоняемые вооруженными надсмотрщиками. У входа и выхода ущелья и на гребне стояли воины в полном вооружении. По дну узкого ущелья неслась вся в пене и брызгах горная река. Гул стремительного потока заглушал шум производимых работ. Мельчайшие капли воды, висевшие в воздухе, сделали одежду всех находящихся в ущелье сырой, но на это никто не обращал внимание. Все работали как одержимые на пределе сил.

Когда проход в скале был заделан, надсмотрщики перегнали освободившихся работников к выходу из ущелья.

Вновь прибывшие стали помогать при помощи деревянных приспособлений перекачивать большие камни, создавая плотину. Небольшая, но бурная горная речушка, на пути которой встала преграда, начала заполнять ущелье и вскоре заделанный проход скрылся под водой. Пожилой, но еще крепкий воин подошел к сидевшему на мулле старику и вопросительно взглянул на него. Старик слегка склонил голову в коротком кивке. Гортанный приказ, отданный пожилым воином, заставил всех находившихся в ущелье поспешно оставить свою работу и собраться у выхода. Спустя некоторое время отряд двинулся в путь. Впереди и сзади шли воины между ними работники с надсмотрщиками. замыкал шествие старик. Путь отряда пролегал по узким горным тропам. Кроме старика и командира стражников все были пешими. После прохода через подвесной мост последние рабочие обрушили его в пропасть. Бушующий поток подхватил его остатки и, круша о камни, потащил вниз по течению. Солнце медленно опускалось за горы, и сумерки начали окутывать движущийся отряд. Разочарованные орлы начали разлетаться по своим гнездам. Для них день прошёл впустую. Гул реки заглушал шум, создаваемый десятками ног. Маленькая деревянная крепость показалась неожиданно. Прикрытая со всех сторон горами и густым лесом она была практически не

видна с окружающих склонов. К тому же во дворе крепости росло несколько могучих деревьев помогающих ей своими кронами сливаться с окружающим ландшафтом. Воины, дежурившие на стенах, поспешно отворили узкие, но очень толстые бревенчатые ворота. Командир стражников хлестнул своего мула и въехал в крепость первым. Старик, напротив, остановившись, пропустил всех, и только затем словно убедившись, что никто не отстал, заехал внутрь. Уставшие путники с облегчением проходили в узкие ворота.

Весь двор был заставлен возами с сеном и соломой. Рабочих сразу загнали в большой деревянный сарай, где для них была приготовлена простая пища и питье, но в большом количестве. Для охраны и надсмотрщиков были расстелены ковры во дворе и накрыты они были не в пример щедрее. Разнообразные мясные блюда овощи и фрукты, различные напитки и сладости приятно ласкали взоры. При свете факелов повеселевшие голодные воины быстро расселись по местам согласно старшинству. Из дома вышел старик в сопровождении пожилого воина. Шум во дворе сразу стих. В сарае рабочие продолжали гомонить, но после резкого оклика одного из охранников послушно затихли. Старик, оглядев двор и убедившись, что все присутствующие почтительно склонили головы, заговорил зычным голосом.

— Воины великого Саиба. Наш великий вождь покинул нас сраженный подлой рукой предателя Архатана да сожрут его шакалы. В память великого вождя мы должны справить тризну и да пусть этой ночью не будет никого, не вкусившего от этого стола.

Подняв руки к небу, старик сотворил короткую молитву. Сидевшие за столом вторили ему. Закончив, старик удалился сопровождаемый воином. За его спиной весело загудела разворачивавшаяся тризна. Судя по звукам, доносившимся из сарая, там ужин он же обед так же был в разгаре. Голодные воины, не евшие целый день и до этого питавшиеся впроголодь, старательно уплетали роскошное угощение столь неожиданно, но очень кстати свалившееся к ним на ужин.

Старик стоял у окна, отрешенно глядя на ночные горы. Не оборачиваясь, он сказал пожилому воину.

— Время дорого Фархат, подготовь мулов.

— Но воины еще не уснули о мудрый Далак.

— Сегодня они уснут быстро.

Фархат поклонился и быстро вышел, придерживая рукой меч.

Старик медленно шагал по проходам крепости. Прохлада летней горной ночи приятно ласкала после зноя летнего дня. Шум во дворе стал

затихать. Почти неслышно к старику подошел Фархат.

— Все готово мудрый Далак.

— Все спят?

— Все.

Старик кивнул и стал спускаться во двор. Неожиданно из-под лестницы вылез увечный коротышка юродивый и что-то загнусавил, озадаченно оглядывая спящих воинов. Звякали болтавшиеся на шее амулеты.

Далак резко обернулся.

— Ты сказал, спят все!

Фархат сделал два быстрых шага вперед и, выхватив меч, почти без замаха рубанул юродивого. Удар оказался настолько силен, что тело несчастного почти распалось на две части. Повернувшись к старику Фархат склонился в поклоне.

— Простите мудрый Далак, когда мы уходили, его не было в крепости. Очевидно, охранники впустили, ведь приютить юродивого у нашего народа всегда считалось к счастью.

— Счастье отвернулось от народа аратов, когда нечестивый Архатан погубил нашего великого вождя Саиба.

— Да мудрый Далак.

Еще раз, взглянув на юродивого, старик прошел к выходу.

Фархат ухватив за ногу тело коротышки, подтащил его к люку подвала и одной рукой, почти не напрягаясь, сбросил его вниз.

Во дворе вповалку лежали воины. Ни единый звук не единый вздох не раздавались в тишине ночи. В сарае также царила полная тишина. Старик с воином пересекли двор и сели на оседланных мулов. Выехав в приоткрытые ворота, Фархат пропустил старика и, размахнувшись, швырнул зажженный факел во двор. Створки ворот он закрыл и подпер их снаружи деревянным брусом. Дальше путники ехали молча. За их спинами, набирая силу, разгорался огонь. Повозки с сеном служили благодатной пищей для бушующего пламени. Жар от пылающих возов был настолько силен, что стали вспыхивать деревянные постройки и стены крепости. К тому времени как наши путники поднялись к ближайшему перевалу, огненный шквал жадно пожирал остатки построек и тел. Пылали окружавшие крепость вековые деревья. Далак обернулся. Свет от пожарища освещал окружающие горы, густо поросшие лесом, и дрожал красным отсветом в глазах старика.

— Когда-то очень давно у народа аратов был обычай. Вместе с умершим вождем сжигали его слуг рабов и самых верных воинов. Мы очень давно не хоронили вождей и забыли этот обычай. Пусть этот погребальный костер достойно проводит в

последний путь последнего и самого великого вождя аратов.

— Нам нужно ехать мудрый Далак. Огонь может привлечь оборов.

Через 2 дня путники достигли одинокого поселения в предгорьях. Здесь они узнали последние известия. Орды оборов растеклись по стране аратов уничтожая все на своем пути. В каждом захваченном селении они пытками пытались узнать место, где скрывался вождь Саиб или его преемник. Лазутчик, принесший эти вести, был из племени Архатана, ранее подвластного аратам, но сейчас перешедшего на сторону оборов. В свое время жрец спас его от смерти, когда тот утаил от племени часть добычи переданной им Саибом для обустройства после того как они поселились на землях аратов. За это спасенный за небольшую мзду держал жреца в курсе настроений в его племени. С незаметной для других помощью Далака Бархат, так звали лазутчика, даже продвинулся в иерархии своего племени. Необычайно пронырливый и сметливый он был в курсе почти всех событий. Почти потому что и ему не удалось даже догадаться о замыслах Архатана. Теперь еще не зная о кончине великого вождя, лазутчик принес в лагерь аратов невеселые вести. Глядя на остатки некогда мощного войска, он

мрачно размышлял, стоило ли рисковать шкурой если аратам, пожалуй, все равно конец. В предгорном селении, находившемся на входе в ущелье, ведущем к морю, скопились остатки уцелевшего войска и толпы беженцев. В доме старосты Далак собрал на совет уцелевших князей и начальников. Когда все собрались, ввели лазутчика. Увидев жреца, Бархат опустился на колени и коснулся лбом ковра на полу. Так было принято кланяться у оборов.

— Встань Бархат. Расскажи какие вести ты принес нам.

— Вести невеселые мудрый Далак. Оборов намного больше, чем аратов, они растеклись по вашей земле черными реками, после них остается только мертвая пустыня. Всех стариков и мужчин старше 14 лет они истребили, остальных продают в рабство. Селения аратов сожжены. Когда я уходил из лагеря, я узнал приказ Ителета всем отрядам двигаться к предгорьям.

— Ты видел их вождя?

— Да. Их вождь хан Ителет очень силен, жесток и беспощаден. В его войске строжайшая дисциплина. Все приказы хана исполняются беспрекословно. Воины всю жизнь проводят на войне либо в подготовке к войне.

— Архатан с ним?

— Да Архатан сейчас главный советник Ителета. Он все время находится в свите хана.

— Что нужно оборам? Почему они истребляют наш народ?

— Для всех оборов это поход за вашими драгоценными камнями, которые вы скопили. Но я умею читать по губам и однажды, я увидел, как хан Ителет сказал Архатану, что ему нужен только **ВЕНЕЦ СИЛЫ** вождя Саиба мудрый Далак.

В помещении стало тихо. Далак встал и подошел к окну. За его спиной в комнате тихо перешептывались уцелевшие старейшины и военачальники. Далак с горечью подумал, что при Саибе они бы даже дышали бы через раз. Но Саиба нет, и его кончина стала началом конца его народа. То, что уцелевшая верхушка правителей собралась здесь было скорее инерцией, чем реальным достижением его верховного жреца.

— Что ты еще увидел и узнал?

— В свите Ителета все время находится странный человек.

— Чем он показался тебе странным?

— Он странно одет, его почти не видно, разговаривает он только с Ителетом и Архатаном. Его шатер всегда стоит рядом с шатром хана.

Ни с кем из своих советников и приближенных хан так часто не разговаривает. К

нему в шатер никто больше не заходит.

Далак закрыл глаза, и в памяти всплыли картины далекого прошлого.

Он десятилетний мальчик, ученик старшего жреца. Араты, ослабленные раздорами среди своих изнеженных и развращенных князей, и теснимые кочевниками из восточных степей перевалили через горы, и вышли к морю. Не хватало корма для скота и пищи для людей. На шумных сборищах кричали все, никто никого не слушал. Уцелевшие князья, лишившиеся почти всех своих воинов, растерянно толпились на помосте, и их жалкий вид говорил о том, что никто из них не знает, что делать этим людям дальше.

Не большая приморская долина была переполнена людьми, повозками и страхом. И тут на горизонте появился парус. Небольшое судно невиданной доселе постройки направлялось в бухту, берега которой были переполнены аратами. Словно разумное существо кораблик легко проскользнул в незнакомую гавань и, подобрав паруса, легко ткнулся носом в прибрежную гальку. По спущенным сходням спустились люди, закованные с ног до головы в сверкающие доспехи. Их было не много всего несколько десятков. А впереди шагал Саиб. Без доспехов в странной, но прекрасной одежде, украшенной драгоценностями

и в сверкающей на солнце, диадеме. Величественный и прекрасный с густой окладистой бородой он шел, не поворачивая головы среди расступавшихся аратов к помосту со столпившимися на нем князьями, и невиданная сила исходила от него. Проходя мимо кучки жрецов, странный гость лишь скользнул по ним взглядом как по неодушевленным предметам и на миг задержал его на мальчишке, стоявшем в повозке. Мальчиком был Далак.

Поднявшись на помост, Саиб, не обращая внимания на ошарашенных князей, повернулся лицом к огромной толпе, заполнившей котловину приморского ущелья, и поднял руку.

Дальше произошло то, что Далак осознал только много десятилетий спустя.

Огромная масса людей, недавно бесновавшаяся и оравшая, затихла и успокоилась, словно не виданная могучая сила сковала ее невидимыми путами.

Страстная речь пришельца неведомым образом долетавшая до самых дальних рядов аратов, словно горячее масло зажигало в обреченных умах страстное чувство ярости и уверенности. Многие десятилетия, минувшие с того дня, стерли из памяти слова, произнесенные Саибом. Но осталась вера в то, что явился посланец богов спасти от истребления аратов. Дальше были

сражения, в которых Саиб всегда одерживал победы, словно он предугадывал единственно верное решение. Араты до этого разделенные межплеменной рознью сейчас являли собой монолит, сплоченный невиданной единой силой. В сражениях Саиб, закованный в невиданные доспехи и в сверкающем венце во главе войска окруженный дружиной пришедших с ним воинов почти неуязвимых для оружия врагов, мчался впереди и сила, исходившая от него, увлекала аратов и подавляла волю их врагов. Разгромленные кочевники растаяли словно мираж, в бесконечной степи унося с собой легенду о великом вожде в золотом венце. Шли годы. Араты под предводительством пришельцев становились все сильнее и сильнее. Ремесленники, обученные пришельцами, были самыми искусными в крае. Росла торговля, но торговать с чужестранцами разрешалось только на границе. Вообще никто из чужестранцев не мог самостоятельно приехать в столицу. Твердые законы, данные вождем, внесли в жизнь небольшого племени стабильность и порядок. Власть Саиба была непререкаемой. Даже в мыслях своих народ не помышлял об ином вожде. Далак рос и потихонечку продвигался в иерархии жрецов. Сирота, переживший в детстве много разного лиха и взятый в ученики жреца за необычайно пытливым умом рос очень скрытным.

К тому же судьба словно подталкивала его.

Постепенно, уже в зрелых годах Далак про себя начал отмечать много странного.

— Почему, когда Саиб выходит к подданным в своем сверкающем венце, словно невидимая сила охватывает и подчиняет себе окружающих. И чувство подчиненности у людей сохраняется, постепенно затухая несколько месяцев. На самого Далака эта сила действовала не так сильно потому, что еще с детства ему казалось, что в нем живут два человека. И когда один разум словно засыпал придавленный волей вождя, другой бодрствовал.

— Почему Саиб через равные промежутки времени объезжал селения и по его повелению сходился весь поголовно народ из окрестностей. На сходах Саиб разбирал наиболее запутанные и спорные тяжбы и всегда он находил единственно правильное решение, причём зачастую сам виновный признавал свою вину, хотя она была не очевидной. Заканчивались такие сходы общей молитвой, во время которой людей охватывало непонятное чувство сходное с легким блаженным оцепенением.

— Почему Саиб не стареет, ведь из тех, кто помнил его приход, почти никого не осталось в живых. Даже молчаливые и крепкие пришельцы постепенно вымерли, хотя жили они дольше аратов и почти никогда не болели.

— Почему всех безумцев и юродивых пришельцы забирали к себе в отдельную крепость, в горах щедро осыпая дарами родственников и соплеменников несчастных. Почему и считалось, что если в селении окажется юродивый, это к счастью.

Вопросы не находили ответов, но Далак загонял их в самый дальний уголок сознания, а старательная служба духам и Саибу однажды сделала его верховным жрецом.

Жизнь текла своим чередом. Уже шестьдесят лет минуло после появления пришельцев.

Но год назад к аратам пришло небольшое родственное племя, разбитое кочевниками, их привел Архатан. Тогда еще никто не знал, что он полубезумный колдун, подосланный могущественным вождем кочевников Ителетом. Араты приняли дальних родичей дали им защиту и кров. За полгода Архатан сумел втереться в доверие к Саибу. И однажды на охоте, когда вождь аратов в погоне за косулей оторвался от свиты (не было уже пришедших с ним верных телохранителей, и не надевал на охоту вождь свой венец), колдун швырнул в него дымящийся мешочек.

Раздался хлопок, и ядовитое облако окутало Саиба вместе с лошадью. Когда подоспела растерявшаяся свита, он лежал без сознания, на его губах пузырилась кровавая пена. Погоня за

Архатаном ничего не дала, в ближайшем перелеске его ждали сообщники со свежими лошадьми, и преследователи на загнанных лошадях только увидели на горизонте пыль от уходящего в степь отряда. Саиба перенесли во дворец, но лекари не могли определить, что с ним. Никто не помнил, чтобы великий вождь когда-то чем-то болел. Семь дней могучий организм боролся со страшным ядом. Семь дней государство аратов было словно в оцепенении. Тогда Далак понял, насколько велика была власть Саиба над аратами. Много лет воля вождя словно цементировала родовые племена, гася вспышки раздоров, и казалось здание государства стоит незыблемо и навечно. Но сейчас, когда неожиданно исчез скрепляющий элемент, стало видно насколько неустойчиво это здание. Так человек употребляющий наркотик весел жизнерадостен и находчив, но, лишившись оно, становится зол раздражителен и теряет зачастую нить жизни.

Наконец Саиб очнулся. Обведя затуманенным взором собравшихся у его ложа сановников, он задержал взгляд на жреце и жестом подозвал его. Приблизившись Далак почтительно поклонился и выпрямился. Взгляды их встретились. Бог мой! На жреца глядели человеческие глаза полные боли, тоски и усталости. Это не были глаза полубога, которые увидел Далак впервые десятки лет назад.

Приподнявшись на ложе слабым, но властным голосом Саиб распорядился.

— До моих следующих повелений править аратами будет верховный жрец! Его повеления исполнять как мою волю. Идите.

Князя, военачальники, жрецы, гурьбой кланяясь, поспешно удалились из палаты дворца.

Откинувшись на подушки, слабым хриплым голосом, Саиб распорядился.

— Пусть дроны перенесут меня в запретные палаты.

Дроны, могучие глухонемые телохранители, с детства росшие при дворце, подняли носилки с лежащим Саибом и понесли их в глубь дворца. Далак, шагавший рядом почувствовал, как начинает колотиться сердце. В этой части дворца ни он никто из других аратов никогда не бывал. В подвале дроны поставили носилки с вождем на пол. Один из них подошел к стене вставил рычаг между двумя выступами в стене и с силой нажал, часть стены почти бесшумно ушла вниз, отрывая проход в скале. Из подвала дворца по подземному проходу они перешли в просторную пещеру, высеченную в скале.

Стены пещеры были отделаны полированным камнем. Вдоль стен стояли доспехи пришельцев. На подставках находились необычные вещи, которых

жрец никогда не видел и не знал их назначения. Дроны опустили Саиба на каменное ложе и встали у входа лицом к двери. В пещере повисла мертвая тишина. Наконец Саиб вышел из забытья и тихим голосом позвал.

— Подойди ко мне Далак. Присядь.

Видя, что жрец не решается, он усмехнулся.

— Садись. То, что я тебе расскажу лучше услышать сидя. Сколько тебе лет?

— Скоро я встречу семидесятую весну мой вождь.

— Я не только твой вождь Далак. Я твой отец.

Небесный гром не смог бы поразить жреца сильнее этих слов.

— У нас мало времени. Ангел смерти уже стоит у моего изголовья. Поэтому слушай историю моей жизни и своего рождения. Больше ста лет назад меня родила женщина из племени аратов. Моя мать была рабыней у пришельцев из другого мира.

— Это были боги?

— Нет. Они не боги. Но сила их велика. Когда-то очень давно их род магов жил на небесах в мире и гармонии с богами. Но гордыня заставила их дерзнуть посчитать себя вправе быть на равных с богами. Они осмелились попытаться установить свою безоговорочную власть над частью общего мира. Для этого они присвоили себе часть общей

космической силы. Но они переоценили свои возможности. В наказание Высший разум низверг род Магов с небес к нам на землю. Лишь немногие из них уцелели при помощи магических вещей. Часть из этих вещей ты видишь здесь. Они помогают иметь власть над людьми. При помощи своих способностей они создали небольшое, но очень закрытое государство там, где земля ближе всего к небесам и где сильнее всего связь земной энергии и мудрости космоса. Здесь издревле в мире жили множество разных народов с разными верами. Это святая земля, принимающая энергию великого космоса и именно здесь как страшная опухоль появилось поселение магов. Со временем оно стало расти, подминая под себя соседей. Маги уцелели. Они не смирились со своей участью и решили при помощи рода человеческого снова подняться на небеса. Но их было очень мало. Боги отняли у них способность к размножению, и когда-нибудь род их должен был пресечься. Они могли подселаться в тела людей и жить долго, меняя тела, но в этом случае они располагали только способностью человека, в которого вселились. Тогда они решили вывести новую породу людей с магическими способностью и, вселяясь в них жить вечно. Ты видел людей охваченными бесовским безумием. Это очень похоже на то, что происходит с человеком после вселения мага. Поэтому я и

забирал всех одержимых и юродивых в тайную крепость и там проверял их. Некоторые из них оказались с подселившимися сущностями. Я губил их вместе с телами безумцев. Маги презирали род человеческий, считали нас чем-то похожим на одомашненных зверей. Но иногда рождались дети не похожие на других. У них проявлялись задатки магов. Таких отбирали, и воспитывали в специальном храме в горах, что ближе всего к небесам. Там я и вырос. Нас учили тайнам магических заклятий и превращений. Когда я повзрослел, нас начали учить медитациям. Все занятия проходили под строгим контролем магов, чтобы ученики получали во время медитаций только те знания, которые нужны магам. Любое отклонение пресекалось на корню. Маги легко подчиняют себе волю и мысли людей, но так случилось что во мне, как и в тебе жили два разума. И когда все ученики засыпали на проверочных сеансах, я спал наполовину. И меня, как и тебя со временем начали терзать сомнения. Однажды во время медитации дух мой сумел подняться к небесам. То, что я там познал, потрясло меня. С тех пор небеса давали мне силу и направляли меня. Среди воспитанников я нашел похожих на меня и у нас созрел заговор. Нас было двенадцать жрецов, решивших вырваться из магического плена.

У каждого из жрецов, которых готовили маги,

была дружина, которая подчинялась только ему. С их помощью мы должны были подчинить все народы мира и заставить их поклоняться новым богам темной силы. Столь мощный поток энергии придал бы им силы, а старые боги без поклонения постепенно превратились бы в духов. Чтобы сконцентрировать свою силу маги создали магические вещи, в которую каждый из них вложил часть своей силы. Самым мощным орудием оказался вот этот венец. Магу, владеющему им, он давал неограниченную власть над человеческими головами и продлял его жизнь на очень долгий срок. Он же подчеркивал верховную власть среди магов. Венец передавался по очереди ведущим магам, избранным во время общей медитации на определенное время. И во время этого срока служил только ему.

Саиб закрыл глаза. Длинная речь давалась ему с трудом. Холодный пот покрывал его тело. Суровая и долгая жизнь приучила Далака к неожиданностям, но то, что он сейчас слышал больше походило на бред умирающего. Но жрец знал, что вождь, а теперь выходит, его отец не бредит, и это и было страшно. В его голове путались мысли и вопросы, но многолетняя привычка выдержки и почтения не давала им вырваться наружу. Наконец Саиб очнулся от короткого забытья. Взгляд его прояснился.

— Ребенком ты был очень похож на свою мать Далак.

— Я не помню ее. Моя память хранит из детских воспоминаний только купеческий караван, и бесконечные переходы пока я не оказался учеником жреца у аратов.

— Ты не можешь помнить ее. Очень давно юная и прекрасная жрица по имени Дайна заставила дрогнуть мое сердце. Она была хранительницей огня при одном из храмов. Жрецы не могли иметь жен. Но мы были очень молоды, и природа рода человеческого взяла верх над осторожностью, и после одной из безумных ночей появился ты. Год ты прожил с матерью в одном из подземелий храма, но как-то магам удалось узнать о твоём существовании. Если бы им удалось захватить нас, смерть ждала бы всех, кто осмелился противиться их воле. Спасая тебя и меня, Дайна бросилась со смертельно больным ребенком одной из прихожанок в пропасть. Тебя мне удалось с караваном купцов отправить в места стойбищ аратов. Купец, владеющий караваном, получив щедрое вознаграждение, должен был передать тебя на воспитание верховному жрецу аратов. Я не знал, когда увижу я тебя и увижу ли вообще. Но к магам у меня теперь был личный счет. Прошло пять лет.

Мои жрецы-сообщники узнали, что в полнолуние все маги соберутся в подземном храме

для общей медитации. На это время венец и другие магические вещи не принадлежали никому, а воля магов на время будет парализована. И тогда я решил, что день отмщения настал. Ворвавшись в наземную часть храма, мы захватили хранящуюся там часть магических вещей, в том числе и этот венец. Вход в подземелье мы разрушили, запретив магов в каменной ловушке. Но даже лишившись большей части силы из-за потери венца и других вещей они все еще оставались огромной силой. Подчиненные им другие жрецы со своими дружинами бросились на штурм храма. Их было намного больше, и они стали одолевать. Отчаяние стало овладевать нами. Помощи жать было неоткуда, вокруг были земли государства магов, где они властвовал над умами людей. Тогда я одел венец. Огромная невиданная ранее сила вошла в меня она была несоизмерима со всем, что я знал доселе. С её помощью мы ослабили власть магов над жрецами и отбросили их отряды от храма. Ты видел, как он действует в сражении. Но венец имеет страшное свойство, он подчиняет себе своего владельца. Владея им, ты одновременно принадлежишь ему безраздельно. Нельзя служить двум богам одновременно. После этого я уже не мог общаться с высшим разумом. Венец пробуждает неумную гордыню, и мне стало казаться, что я сам смогу решать все проблемы.

Вначале у меня все получалось. Мы сумели отбиться от врагов, и какое-то время находились в храме, считая своим долгом не дать вырваться черной магии из заточения.

Но после победы между нами начались распри. Магическая сила развращает человека. В конце концов, мы поделили магические вещи и разошлись по своим странам. Но прежде я при помощи венца наложил проклятье на храм, снять которое можно только владелец венца.

Я надеялся, что запертые в подземном храме маги с течением времени вымрут, но я ошибался. Век их жизни намного больше человеческого, а камень не преграда для их воли. За пределами храма оказались приготовленные для вселения люди. С их помощью маги начали борьбу за обладание магическими вещами. Посланцы магов, где золотом, где хитростью натравливали народы, к которым ушли жрецы друг на друга с целью обладания заветными вещами. Мои бывшие сподвижники один за другим гибли кто от ядов, кто в сражениях. Сейчас из двенадцати жрецов в живых остался только я. Часть вещей магам удалось вернуть, часть сумел перехватить я. Сейчас я умираю и мне страшно одиноко. Я прожил жизнь, как мне казалось с величием, но сейчас, когда я на пороге смерти оглядываюсь на зад, я вижу, что

счастлив был всего два года прожитых с твоей матерью и тобой.

Гримаса боли исказила измученное лицо Саиба. Это была боль физическая смешанная с болью душевной.

— Теперь слушай меня внимательно. Маги уже знают, что я умираю. Наконец-то они перехитрили меня. Раньше они вселялись в людей и шли с ними в надежде добыть венец. Я чувствовал их и губил их вместе с телами их жертв. Маги учли ошибки и теперь действуют чужими руками. Они внушили хану могучего кочевого племени оборов заветную мысль завладеть венцом и с его помощью стать бессмертным и править всем миром вечно. Но пока я был жив и с венцом, никакая сила не могла разбить аратов. Проклятый Архатан. Он оказался таким же, как и мы с тобой с двумя сознаниями и обманул меня. Венец не предупредил меня, так как не почувствовал магии. Яд, которым отравил меня Архатан, он получил от магов. Если человек вдохнул его, никакая сила не может спасти его от смерти. Сейчас оборы сумеют разбить аратов это теперь только вопрос времени. Нельзя допустить, чтобы венец попал в их руки. Тогда Маги сумеют вернуть себе его силу, и роду человеческому придет конец.

— Но великий Саид, почему нельзя одеть венец вашему преемнику и разбить оборов?

— Воспользоваться венцом может либо маг, либо жрец, имеющий задатки мага. Обычного человека венец сделает безумцем.

— Тогда почему нельзя венец уничтожить.

— Если уничтожить венец исчезнет мое заклятье, и маги выйдут на свободу.

А само нарушение магической силы может вызвать страшные несчастья болезни землетрясения или что-то другое. Нельзя играть с неведомой силой.

Поэтому венец надо спрятать, но так чтобы он был недалеко от поверхности земли, чтобы он мог чувствовать энергию космоса, в противном случае он сам найдет выход. Ты ведь знаешь деревянную крепость в горах, где жили мои воины. В полудне пути вверх по ущелью в скале прямо над водой находится пещера. В ней ты похоронишь меня вместе с венцом. Мой дух еще долго будет отпугивать людей от тех мест. Всех кто будет с тобой, придется убить это непременно.

На реке соорудишь запруду, чтобы вход в пещеру затопило водой, это избавит мою могилу от случайного обнаружения и ослабит поток магии от венца. Возьмешь несколько вещей и часть драгоценностей отсюда и отправишь их с Фархатом парсагскому царю. Вещи уже исчерпали свою магию и даже если и достанутся магам прок от них небольшой, но запах магии притянет к себе тех,

кого нужно. Нужно направить Ителета в погоню за вещами и столкнуть его с могучими государствами и рано или поздно он погибнет. Но для начала тебе придется устранить посланника магов при хане он главная опасность.

— Как его узнать и как с ним бороться?

— Ты мой сын, и мои способности после моей смерти частично перейдут к тебе. Ты почувствуешь это. Но венцом тебе пользоваться будет нельзя. Ничего маг, сидящий в человеке, располагает только возможностями этого человека, хотя и может их сильно развить. Кроме того, он будет считать тебя обычным человеком, так что у тебя будет даже небольшое преимущество. Я дам тебе амулет он не из нашего мира. Если его опустить в воду или напиток и произнести заклинание, высеченное на нем, то выпивший его на несколько дней получит необычайную силу и выносливость, но это сократит его жизнь. Если человек выпет зелье несколько раз, то при помощи заклятья его можно убить.

Саиб вздохнул.

— Страшную ношу я взваливаю на тебя Далак. Но ты шел к этому, сам того не зная, всю жизнь. Когда ты выйдешь отсюда помни, цена этого венца очень велика. Ее нельзя измерить ни золотом, ни драгоценными камнями.

Само существование рода человеческого зависит от него. Поэтому любые жертвы, на которые придется тебе пойти, чтобы сохранить его за людьми, будут оправданы. Иди, у тебя будет много хлопот.

Далак медленно поднялся. Даже огромный жизненный опыт жреца с трудом справлялся с потрясением, которое причинила речь Саиба. Он медленно направился к выходу. Дроны почтительно расступились.

У самого выхода его остановил голос Саиба.

— Далак! Ты не знаешь, но я знаю, что у тебя есть сын.

Далак замер у выхода и медленно повернулся. Похоже, у Саиба начал туманиться рассудок. Жрец никогда не имел ни жены, ни детей.

— Нет, Далак, это не бред больного и умирающего. За те дни, что моё тело боролось за жизнь, мой разум снова сумел подняться в небеса и там испить из чаши Великого разума. Вспомни, когда ты ходил в поход на непокорные северные племена и вспомни ту девушку дочь местного шамана.

Далак вспомнил тот поход далекой молодости. Тогда он был ещё только учеником жреца и в походах участвовал как воин. Набег был сделан в наказание за воровство скота.

Стремительным налетом отряд аратов под его началом разгромил лесную деревню беспокойных соседей. По закону войны лесные жители стали невольниками и они сами, и их имущество делилось между воинами, участвовавшими в набеге.

Прекрасная и юная дочь шамана досталась ему как добыча. Воины без споров уступили её ему за отвагу и находчивость, проявленную им в своей первой схватке в качестве командира. Та лесная красавица стала первой и последней женщиной в жизни Далака. После первой же ночи пленница, оказавшаяся девственницей сумев, освободится от верёвки, исчезла в безбрежном лесу. Далак же после похода был посвящен в жрецы, и свято храня обет, никогда больше не прикасался к женщине.

— Да-да Далак ты теперь отец и дед. У тебя уже растут внуки. Теперь ты знаешь, что твоя жизнь не закончится со смертью твоего тела и тебе есть, что защищать в этом мире. Если сейчас ты будешь, тверд, то когда-то в будущем наш потомок вернется в эти места. Но если маги получают, то, что они хотят будущего у людей просто не будет. А теперь иди.

Никто не узнал, что открыл вождь своему жрецу, но когда Далак вышел из дворца, неразлучный Фархат отметил про себя, что за

обычной суровостью и невозмутимостью у его хозяина в душе царило смятение.

Помогая жрецу вставить ногу в стремя, старый воин заметил, что мысли Далака витают где-то очень далеко. Но не в привычке лучшего воина аратов проявлять ненужное любопытство, поэтому он вскочил в седло и поехал вслед, так ничего и не спросив.

Когда-то еще в далекой юности Фархата обвинили в краже, страшном грехе для аратов. Обвинил его сын богатого старосты, с которым Фархат ходил в набег на непокорные племена горцев и вдвоем они захватили богатую добычу. Судить молодого воина должен был совет старейшин, и в случае подтверждения обвинения его должны были заклеить и изгнать. Но накануне суда застав в лесу свою невесту со своим обидчиком и услышав, как тот со смехом рассказывает ей, как он подставил своего напарника, чтобы не делить с ним ни добычу, ни женщину Фархат изрубил обоих. И хотя он сам пришел на совет старейшин, и всё честно рассказал, никто не поверил его рассказу. Слишком уж много всего было против него. По закону его должны были закопать заживо. Далак единственный кто поверил юноше. По его настоянию совет принял решение: так как речь шла о жизни человека, и были сомнения в правильности приговора, судьбу

обвиняемого должен был решить Саиб. Вождь подтвердил, Фархат сказал правду!

В качестве наказания Фархат отдал всю добычу семье незадачливой невесты, а за убийство на поединке противника пришлось отбыть год в пограничной страже на самом опасном участке. Вернувшись, благодарный воин стал телохранителем Далака, со временем сделавшись его правой рукой в мирских делах. А дела у жреца не всегда были мирными.

Далак вздохнул и открыл глаза. Притихшая верхушка аратов настороженно смотрела на него. Резко повернувшись жрец оглядел собравшихся и заговорил властным голосом.

— Властью данной мне великим Саибом повелеваю. Всех женщин, детей и раненых в сопровождении малого конвоя провести по Другорскому ущелью к морю. Всех кто может работать бросить на постройку судов и плотов. В случае появления оборов грузится на корабли, и уходит в море. Оборы не смогут долго находиться в горах. Когда-то они уйдут. Остальные кто может держать оружие, занимают крепости в горах. Небольшие отряды союзных горцев должны удерживать горные тропы, чтобы кочевники не прорвались к морю.

В помещении воцарилась тягостная тишина.

Далак понимал, что будь он на их месте у него возникло бы в голове масса вопросов к отдающему такие приказы. Если только эти приказы отдавал не Саиб. Но Саиба не было, и то, что требовал Далак, было единственным, что можно было сделать в нынешней ситуации. Помещение опустело. Далак подошел к окну и картина, представшая его взору, заставила сжаться его сердце. Тысячи людей скопилось в предгорном селении. Женщины, старики, дети, обремененные поклажей и домашним скотом, они не смогут уйти от стремительных беспощадных кочевников.

Поселок почти не укреплен. Десятки лет араты не с кем серьезно не воевали. Кому в голову могло прийти, что придется обороняться от кочевников в предгорном поселении. В комнату почти бесшумно вошел Фархат. Не оборачиваясь Далак приказал.

— Возьмешь сотню самых лучших воинов отберёшь самых лучших лошадей и сегодня ночью тайно, но так чтобы знали все уйдешь к границам Парсагского царства. С собой возьмёшь несколько выюков с камнями и золотом для царя парсагов.

— Но мудрый Далак, сейчас на счету каждый воин. Завтра начнется движение народа, мы бы пригодились в сдерживании оборов.

Далак медленно повернулся.

Впервые за много лет Фархат не согласился со жрецом.

Он, молча глядел на человека многие годы бывшего его тенью. Но странно, гнева не было в душе жреца. Фактически в этом мире Фархат был ему самым близким человеком. Ни с кем Далак не проводил вместе столько времени и ни с кем не разговаривал так открыто как с ним. Пожалуй, покинь Далак этот грешный мир, только Фархат искренне будет сожалеть о его уходе.

— Иногда необходимо поступать не так как кажется нужным. Нам не успеть увести людей на побережье. Поэтому завтра все, кто может идти, пойдут по горным тропам напрямую к морю. Все, кто не может идти, и старики останутся в поселке, построят укрепления и будут сдерживать оборов, сколько смогут.

— Но для тех, кто останется в поселке это верная смерть!

— Это будет смерть для жизни. Вождю оборов нужен венец Саиба. Лазутчики донесут Ителету, что отряд лучших воинов тайно ушел к границе сильнейшего государства. Также ему скажут, что преемник Саиба укрепляется в лагере в надежде на скорую подмогу. Значит, венец либо везут царю парсагов, либо, что вернее, венец в крепости и парсагский царь сам спешно прейдёт за бесценным подарком. Поэтому лучшая часть войска

оборов кинется в погоню за тобой, остальные всеми силами бросятся на штурм крепости, чтобы успеть завладеть венцом до подхода врага. За это время араты успеют дойти до моря.

— А как же вы мудрый Далак? Ведь крепость обречена.

— Я тоже старик Фархат. И я разделю участь своих сверстников и к тому же нужно исполнить последнюю волю Саиба. Ты же должен увести за собой лучшие отряды Ителета и навести их на войска парсагов. Их отряды стоят на границе, и они ожидают нападения кочевников. Небольшое ночное нападение, которое ты устроишь на их гарнизон, и вспыхнет новая война, в которой Ителету будет уже не до остатков народа аратов.

— Поселок почти не укреплен. За столь короткое время больные, раненные и старики, не построят ничего серьезного, да и не сумеют долго обороняться.

Далак снова подошел к окну. Не оборачиваясь, он глухо произнес.

— Эти дни все будут работать, и сражаться, словно восстал Саиб в своем венце. Иди, готовься к походу у тебя мало времени.

Утренний туман быстро таял под лучами восходящего южного солнца.

Перед глазами Ителета лежало последнее укрепление аратов. Хан, сидя в седле любимого скакуна, рассматривал с небольшого холма наспех построенные сооружения вокруг предгорного посёлка. Ненадежные стены из заостренных брёвен и завалы из ветвей дикой акации. За ними виднелись немногочисленные защитники. Хан оглянулся. Всё пространство от холма, на котором был он, до границы леса, было занято отрядами оборов. Ителет снова повернулся к посёлку. На что рассчитывают те, кто внутри? Ведь исход предстоящей схватки ясен даже ребёнку.

За его спиной Архатан сообщал последние известия от лазутчиков.

— Далак в поселке. Большая часть аратов разбежалась по горам.

По направлению к царству парсагов ушел небольшой, но отборный отряд воинов во главе с Фархатом, это правая рука Далака. Для отряда отобрали лучших лошадей у всех князей. Несколько лошадей были с небольшими вьюками. И самое главное. По приказу Далака все защитники крепости после общей молитвы пили напиток из огромного чана у входа в святилище.

— И что?

— За три дня уставшие большей частью, израненные араты построили укрепления, которые не сумело бы построить вдвое большее число

здоровых воинов за неделю. Все словно охвачены, каким-то безумным восторгом. Никто не помышляет о сдаче или бегстве. Эти будут стоять насмерть. Если бросится на штурм сейчас, мы потеряем много воинов. Может немного выждать, а за это время попытаться поджечь засеки и вообще измотать их ожиданием. Их решимость быстро истощится. Иначе наши потери будут очень ощутимыми. То, что Далак остался в поселке очень странно. Обычно он очень осторожен и крайне рассудителен. Должна быть очень веская причина раз жрец остался в обреченной крепости.

Улыбка тронула губы Ителета. Значит венец силы там. Мечта, овладевшая его разумом всецело, была там за этими ничтожными засеками из брёвен и завалов из колючих ветвей дикой акации, защищаемые небольшой горстью людей. Медленно повернувшись к военачальникам, сидевших на лошадях у подножия холма хан резким голосом начал отдавать приказания.

— Всех лучших наездников послать в погоню за отрядом Фархата. Догнать хотя бы пришлось загнать для этого всех лошадей. Фархата захватить непременно живым все снаряжение его отряда доставить сюда. Остальные после полудня пойдут на штурм крепости. Жреца взять живым и только

живым! К вечеру должно свершится то, ради чего я шел сюда целый год. Вперёд мои степные волки вас ждет добыча, какую ещё не добывал никто в этом мире!

Ответом ему был восторженный рев сотен голосов. Командиры поскакали к своим отрядам, и вскоре огромная масса войска начала занимать позиции для предстоящего штурма.

Ителет повернувшись к Архатану, с усмешкой произнёс.

— Ты один из оборов знаешь правду о том, что я ищу в этом краю. Меня мало волнует, сколько воинов сегодня отправятся в последний путь. Они все погибнут, как подобает мужчинам, в бою и их души попадут в рай. Лишь бы там за этими ничтожными стенами оказался этот венец. Обладая его силой, я стану равен богам и достойно отблагодарю и живых, и мёртвых.

Ителет хлестнул коня и помчался к своему шатру. За ним поскакала его гвардия.

Архатан оставшись один, проводил хана взглядом и, вздохнув, произнес.

— Даже хану лучше оставаться человеком, а не равняться богам.

Тронув коня, он поехал к передовым отрядам, готовившимся к штурму.

Далак медленно открыл глаза. Взор

прояснился, но радости это не прибавило, он стоял в шатре Ителета, с боков его то ли держали, то ли почтительно поддерживали, два дюжих кочевника. Оружия естественно не было, и всё тело ныло, словно один огромный ушиб.

Ителет сидел на белоснежном ковре, на невысоком помосте и с интересом разглядывал жреца. Возле ковра сидело несколько военачальников кочевников среди них Архатан.

— Ты и есть жрец Далак?

Далак молчал, полу прикрыв веки. Его расслабленное сознание скользило по энергетическим оболочкам сидящих вдоль стен юрты кочевников. В самом деле, со смертью Саиба к нему пришла какая-то новая сила. Он стал чувствовать сознание людей. Ничего особенного не выделялось в общей массе кочевников. И вдруг, словно вспышка молнии сознания Далака коснулся разума ЧУЖОГО. Медленно, приподняв веки, жрец искал взглядом главного противника. Вот он. Небольшое щуплое создание неопределенного возраста в черном балахоне, из-под которого видна только нижняя часть лица стояло возле стены за спинами приближенных хана. Скорее всего, колдун и скорее всего с подселением.

— Он, что не понимает меня? Или его слишком помяли при штурме? Я же повелел жреца взять живым и невредимым!

Ителет быстро раздражался. Обор набросивший сеть во время штурма на Далака и сумевший его скрутить мигом сник.

— Великий хан он рубился как одержимый. Вокруг него все было завалено телами твоих воинов. А я сумел...

Ителет прервал говорившего на полуслове и раздраженным жестом отправил того вон из шатра.

— Что с ним Архатан? Может подсыпать ему горячих углей в сапоги для разговорчивости?

— Нет, великий хан. Далак человек разумный и понимает, что жизнь на этот момент все, что у него осталось. Но этот остаток жизни можно прожить по-разному. Можно медленно подыхать в яме с дерьмом, привязанным к стене и не имеющим даже возможности в этом дерьме утопиться. А можно дожить остаток дней в почете и довольствии. Тебя жрец все зовут мудрый Далак, так прояви свою мудрость, прими правильное решение.

— Тогда я стану таким же предателем, как и ты Архатан. А смерть меня страшит мало. Я стар, и ты ведь сам знаешь, если мне будет нужно, я сумею умереть быстро.

— Я никогда не предавал своего хана Далак, я просто обманул вождя аратов, а это не измена. А ты ведь даже не арат по рождению. Тебя привезли

младенцем купцы и продали тогдашнему жрецу аратов. Но если ты чувствуешь себя обязанным аратам, помоги их остаткам уцелеть. Отдай нам то, за чем мы сюда пришли, и мы уйдем дальше, оставив в покое твоих соплеменников.

— Ты не так умен Архатан, как я думал, если собираешься и дальше говорить при всех.

Архатан оглянулся на хана и Ителет жестом отправил всех из шатра. Тщедушный лысый человек в балахоне остался. Далак лишившись опоры в лице охранников, доставивших его сюда, почти без сил опустился на пол рядом с ковром. Возбуждение, владевшее им последние дни, слабело и его начало клонить ко сну. Но нужно было, продержатся еще немного. Выпрямив спину и подняв голову, жрец спросил.

— Так чего же хочет хан Ителет от ничтожного жреца маленького народа?

Каменное лицо хана никак не отреагировало на фактическое оскорбление, жрец побежденного народа говорил с ним как с равным, а с Ителетом даже соседи вожди не смели так разговаривать. Архатан спешно перехватил нить разговора.

— Ты знаешь Далак, зачем Хан могучего народа покинул родные кочевья и пришел в эти горы, пройдя с мечём через земли трех царств. Уверю тебя, что не ради вашей жалкой скотины и

даже не ради сундуков с драгоценными камнями, которые ты где-то спрятал. Изделия ваших ремесленников также интересуют нас мало. Хан готов оставить все это тебе, если ты отдашь всего одну вещь.

— Венец Саиба? Почему ты решил, что я знаю, где он?

— Ты знаешь. Отдай его, и несчастья твоего народа и твои несчастья закончатся, как дурной сон. Ведь тебе он не нужен. В награду ты можешь стать жрецом у великого хана. Согласись, лучше быть рядом с великим вождем, чем видеть ничтожество нынешних вождей аратов.

Далак склонив голову, казалось, забылся в глубоком раздумье. Всем своим подсознанием он ощущал напряжение, исходившее от странного существа.

Наконец он поднял голову.

— Я не знаю, почему, но я верю, тебе великий хан Ителет и если ты подтверждаешь своим словом то, что сказал твой советник Архатан, то я твой верный слуга.

Ителет переглянулся с Архатаном.

— Можешь считать его слова моими словами. Итак, где венец.

— В задней части дворца Саиба была тайная комната из нее обычно он появлялся в венце. Он должен быть там. Подземный ход открывается при

помощи тайного рычага. Если попытаться взломать дверь пещеру затопит вода.

— Если ты не врешь любое твоё желание, я исполню как своё. А сейчас едем во дворец.

Хан легко поднялся и двинулся к выходу. В шатре, словно призраки, появились телохранители. На выходе Ителету подали белоснежного жеребца, покрытого богатой попоной и украшенного золотой сбруей. Хан легко взлетел в седло шарахнувшегося скакуна. За всей его невозмутимостью сквозило стремление увидеть вожака как можно быстрее. Сопровождающие поспешно вскакивали в седла своих лошадей. Для Далака и щуплого человечка подали крытые повозки. Наконец процессия двинулась по направлению к разрушенной столице аратов. Поздно вечером отряд кочевников вошел в развалины дворца Саиба. Охрана рассыпалась по руинам, ища противника, могущего посягнуть на жизнь их владыки. Но развалины были пусты. Бесстрастное лицо жреца ничем не выдало чувств, кипевших в его душе. Совсем недавно по палатам этого дворца он шагал, чувствуя сою силу и власть. Сам дворец строился и поднимался на его глазах по невиданным доселе правилам. Главные строители были выписаны Саибом издалека. Секретные комнаты этого творения создавались пленными, которых охраняли дружинники вождя. За стенами дворца в парке

росли невиданные растения и цветы. По дорожкам гуляли ручные диковинные животные и птицы. В великолепных бассейнах плавали разноцветные рыбы. Для аратов, которые вели полукочевой образ жизни и проживавшие большей частью в глинобитных домах, казалось, что это кусочек рая, спустившийся на землю. После окончания строительства пленных увели в горы, и больше их никто не видел. Их судьбой никто не интересовался. Это был жестокий век. Так поступали почти все владыки того времени. Когда впервые Далак и князя аратов вступили в новое обиталище Саиба, все были поражены его невиданной красотой и богатством. Теперь шагая по сгоревшему и полуразрушенному дворцу, Далак думал о превратностях судьбы. Еще два месяца назад все казалось незыблемым и вечным, а теперь по руинам символа того времени бродят дикие кочевники. Сам же Далак и приказал верному Фархату поджечь дворец, когда к нему прорвались оборы. При строительстве использовалось огромное количество дерева. Все пристройки также были деревянными.

Кроме того, внутрь было завезено огромное количество хвороста и сухого дерева.

Поэтому огонь, бушевавший три дня, превратил величественное сооружение огромную груды почерневших камней. В сопровождение

Ителета, Архатана, колдуна и охраны жрец спустился в подвал. Здесь царил полный разгром. Но деревянный рычаг был на месте. Вставив его в выступы, Далак с силой нажал, и кусок стены послушно ушел в землю, открывая потайной ход, в который тут же устремились телохранители. В помещении сейчас ничего не было, кроме большого золотого ларца, стоящего на деревянном постаменте.

— Здесь всегда было два ларца, в которых Саиб хранил свои сокровища.

Один ларец по его повелению отправили парсагскому царю, второй перед тобой великий хан. Открывал их только сам Саиб при помощи заклинания. Но оно мне неизвестно.

Ителет усмехнулся.

— Ничего у нас есть тот, кто ломает любое заклятье и откроет любой ларец.

Он обернулся к чужаку.

— Я исполнил свою часть уговора. Араты сокрушены, их вождь мёртв. Венец в этом ларце перед тобой. Теперь твоя очередь исполнить свое обещание Телькун. Ты сможешь разрушить заклинание и достать венец?

— Да великий хан.

Голос колдуна был сухим и резким. Подойдя к ларцу Телькун закрыв глаза полупшепотом стал произносить заклинания. В пещере резко запахло

гарью и по коже у всех пробежали мурашки. Две неведомые могучие силы вошли в противоборство. Наконец заклятье Саиба поддалось и колдун, прикоснувшись к крышке ларца, хрипло произнес.

— Заклятья больше нет великий хан.

Даже каменное лицо Ителета дрогнуло.

— Открывай!

— Не спеши хан. В пещере может быть наложено другое заклятье надо вынести ларец наверх.

— Хорошо перенесите его в мой шатер, только быстрее я слишком долго ждал этого дня!

Хан повернулся и стремительно пошел прочь из пещеры, за ним поспешно двинулись остальные, бережно неся ларец. Походный шатер хана небольшой по сравнению с его роскошным жилищем в ставке не мог вместить всех, и в шатре остались только сам хан, Архатан, Далак и Телькун. Колдун, подойдя к ларцу, медальоном осторожно поддел крышку и открыл ее. В ларце, переливаясь под светом факелов, среди других драгоценных вещей лежал венец. Как зачарованные и Ителет, и Архатан, и Телькун глядели на сверкающее чудо. Сделав шаг к Ителету Далак тихонько сказал.

— Вся беда в том хан, что ты считаешь себя охотником, настигшим добычу, но поверь, сейчас ты только охотничий пес, догнавший раненого

зверя. Но если псу достаются от охотника внутренности и кости, то ты получишь только смерть.

Слова жреца услышал Архатан, а он не зря слыл лучшим воином среди кочевников. Звериным чутьем, почувствовав опасность, он успел, резко развернувшись метнуть маленький дротик в успевшего занести руку лысого чужака. Метательный снаряд раздробил плечевую кость Телькуна, причинив томудикую боль.

В два прыжка оказавшись возле скорчившегося от боли и воющего противника, Архатан перехватил небольшой комочек из руки врага и коленом ударил ему в лицо. Перешедший в аморфное состояние тщедушный человек завалился на дорогой ковер, заливая его кровью.

— Грязная собака!

В руке Архатана был комочек похожий на тот, от которого погиб Саиб.

Лицо Ителета осталось почти неизменным только глаза, загоревшиеся диким гневом, выдавали бешенство, которое бушевало внутри владыки.

— Палача! Пусть вытянет из него все! Стража!!

Шатер мигом заполнился телохранителями. Несколько человек нависли над опустившимся на ковер Далаком. Жрец сидел с закрытыми глазами,

слегка покачиваясь, и его руки покоились на коленях. Никогда бы Архатану не справится с лысым иноземцем, если бы воля Далака на мгновение не связала бы могучую волю пришельца. Ну а в споре физической силы шансов у щуплого создания перед лучшим воином кочевников было не больше чем у ягненка перед волком. Лоб Далака покрывала испарина, а суставы противно подрагивали. Но жрец шептал заклинания дающие силы. Нужно продержаться еще немного. Главное он сделал — маг, сидевший внутри колдуна, на время нейтрализован, а за это время обессиленный духовно и физически колдун умрет от первой пытки, унося с собой в нижний мир непрошеного постояльца. Телькуна уволокли телохранители. Ителет заложив руки за спину, мрачно стоял у ларца. Взяв у Архатана смертоносный комочек, он осторожно положил его к венцу и закрыл. Немного помолчав, он повернулся к жрецу.

— Телькун говорил, что заставить слушаться венец может только он. Это правда?

— Телькун сам хотел владеть венцом и силой, заключённой в нём. Но этот венец ничего не дал бы ему.

Хан вопросительно поднял бровь.

— Это не тот венец Саиба, который ты ищешь.

Глаза Ителета начали наливаться кровью. Не стоило доводить ситуацию до крайности, поэтому Далак поспешно пояснил.

— Это похожий венец в нем Саиб ходил повседневно. Венца силы, который ты ищешь в, этом ларце нет. Скорее всего, он в том ларце, который увезли Парсагскому царю, но здесь есть вещь, без которой тот не сможет открыть ларец. Если конечно у него нет второго Телькуна. А узнать, как будет вести себя венец, можно только одев его.

— Откуда ты это знаешь старик?

— Я стар и очень долго учил книгу жизни. И я очень долго был рядом с Саибом и знал о нём много из того, что он никому не показывал и не говорил. Архатан тоже знает о тебе больше, чем ты догадываешься.

Ителет бросил на последнего мимолетный мрачный взгляд, но сказать ничего не успел.

За пологом шатра послышался шум. Архатан положив руку на рукоять кривого меча, сделал шаг к выходу.

Согнувшись в шатер, вошел гонец, а за ним следом, словно тени, возникли два телохранителя. Сделав шаг, он рухнул и, упершись лбом в ковер, произнес.

— Вести с запада великий хан.

В глазах Ителета мелькнула надежда.

— Говори!

— Перехватить аратов нам не удалось, у них были слишком хорошие лошади. На твой отряд, посланный в погоню за аратами ночью напали парсагские воины, твоих людей уцелело мало. Уцелевшие воины говорят, что на границе накапливаются войска парсагов.

Помолчав, он добавил.

— Колдун Телькун только что умер.

Ителет с закаменевшим лицом глядел на стражника. Тот стоял на четвереньках, не поднимая головы. В шатре на минуту зависла тишина.

Далак не успел даже заметить, когда хан успел выхватить клинок, но его остроту и силу, вложенную в удар, оценил по достоинству. Голова гонца принесшего черную весть легко отделилась от туловища и из шеи хлынула пенная кровь. Телохранители, стоявшие у входа, быстро подхватив за ноги еще дергающийся труп гонца, поволокли его наружу, прихватив, за волосы отрубленную голову. Архатан подойдя со спины к Ителету, невидящим взглядом смотревшего на выход, куда утащили тело гонца, и тихо сказал.

— Мы слишком много потеряли воинов, чтобы вступать в войну с парсагами. Они по численности не уступают нам, но вооружены гораздо лучше и могут привлечь союзников или наёмников. Даже если удастся нанести им

поражение в открытом бою, им есть, где укрыться. Их города хорошо укреплены, нам не взять их штурмом, а на осаду нет ни времени, ни сил. Может, лучше вернуться в родные степи?

Ителет почти уже не скрывая бешенства, повернулся к нему.

— Мы слишком далеко зашли, чтобы остановиться на полпути. Возвращаться придется через земли враждебных народов. Мы прошли через них внезапно, и не задерживаясь для окончательного разгрома. Сейчас они восстановили силы и не пропустят нас без борьбы. Наши кочевья заняты соседями. Нам не вернуть их без венца. Поэтому либо мы добудем венец и будем жить в величии, либо погибнем.

Резко повернувшись к жрецу, хан мрачно смотрел на него.

— Скажи жрец, если у тебя не было венца силы, как же ты заставил биться раненых, стариков и больных, словно обезумевших вепрей?

— Это то, что я смогу сделать при помощи своих заклятий и одной из этих вещей, что у тебя в ларце. Я могу приготовить магический напиток. Это зелье дает большую силу, но лишь на время.

В глазах Ителета появился интерес.

— Завтра ты приготовишь это зелье, и мы опробуем его на своих воинах.

— Воля твоя великий хан.

Ителет жестом отпустил всех.

Далак склонил голову и вслед за Архатаном вышел из шатра.

Сотник из передового отряда оборов, не слезая с лошади, первый раз в своей жизни глядел с перевала на простирающиеся перед ним бушующее море. Тяжелые волны, накатываясь на прибрежные скалы, с грохотом разбивались, насыщая воздух соленой влагой. Выросший в степях он до этого видел только волны ковыля. За его спиной стоял отряд таких же ошеломленных оборов пришедших по Другорскому ущелью вслед за аратами. Задача у отборной сотни была настигнуть беженцев и навести на них основные силы. Но пустынный берег моря был завален домашним скарбом, местами бродили брошенные животные и скот. Захваченный накануне язык сказал, что уцелевшие араты частью рассеялись по горам, большей частью уплыли на кораблях в море. Отряд начал спускаться с перевала на берег порывистый ветер доносил до воинов брызги волн, разбивающихся о прибрежные скалы.

Лошади, поначалу пугавшиеся грохота прибоя, потихонечку привыкли и стали пробовать морскую воду. Попробовав, возмущенно трясли мордами — вода была соленой. Вдруг сторожевой воин на перевале подал тревожный сигнал, отряд

мигом собрался вокруг сотника. Все усиленно вертели головами, ища противника. Воин с перевала указывал копьём на море. Сотник приподнялся в стременах и увидел среди волн большую полузатопленную лодку, которую несло к берегу. По всему было видно, что ею никто не управляет. Наконец волны с грохотом выбросили свою добычу на камни. В лодке оказалось несколько мертвых тел и один еле живой арат. Его вытащили на берег и влили в рот крепкого кумыса. Закашлявшись, арат чуть приоткрыл глаза. Сотник, нагнувшись над ним, спросил.

— Где все араты?

Посиневшие губы спасенного с трудом зашевелились. Из произнесенных слов можно было только разобрать «буря» и «все утонули». Арат несколько раз дернулся и затих. Глаза его медленно начали покрываться пленкой. Сотник выпрямился, и еще раз поглядев на штормящее море произнес.

— Здесь нам больше делать нечего. Пора возвращаться назад и сообщить хану, что племени аратов больше нет на этой земле.

Легко вскочив в седло, он неспешной рысью направился к выходу из ущелья. За ним потянулся весь отряд. После него на берегу остались лишь лепёшки конского навоза.

Из славянской летописи:

«...и пришел из восточных степей народ черный неведомый, и не было от него спасению ни старому, ни малому. Но по божьему проведению исчез он бесследно в далях степных, и повелась с тех пор поговорка «сгинул как обры».

Из мадьярской хроники:

Неизвестный кочевой народ, вышедший из безбрежного пространства восточных степей, пронесся как ураган, по царствам и народам средней Европы и вдруг когда казалось, что уже нет силы, способной противостоять ему, отступив в центр опустошенной венгерской долины, исчез, оставив после себя огромные могильные курганы. Слово небесное проведение наслало невиданную болезнь в одночасье уничтожившего непобедимую армию ужаса.

— Эй! Роман! Ты не уснул? Народ ждет!

С кромки ущелья махала рукой милостивая молодая женщина.

Тот к кому она обращалась — крепко сбитый парень, изучавший вход в небольшую пещеру,

разогнулся и махнул рукой.

— Сейчас приду!

— Быстрее! Шашлыки уже на подходе, и вино уже из воды изъяли.

Народ хочет вкусить хлеба и напитка с будущим гением археологии.

— Уже иду!

Оставив в покое пещеру, и стараясь, не поскользнуться на мокрых камнях, Роман полез наверх. Наконец склон закончился. На небольшой лесной поляне окруженной роскошным осенним лесом полукругом стояли три палатки.

Между ними дымился импровизированный мангал, а на нем томилась подернутая золотистой корочкой главная достопримечательность любого настоящего пикника — шашлыки, возле которых орудовал Славик Егоров помощник Романа паренек в потертых джинсах и брезентовой шпормовке. Обитатели поляны трое молодых мужчин и двое представительниц противоположного пола встретили его притворно — рассерженными возгласами.

— Ромашик всех раритетов не найдешь и всех денег не заработаешь, а шашлычок может отбыть в последний путь, причем без твоего участия.

Тараторившая громче всех девушка Таня Безуглова это она окликала Романа со скалы, свои слова поддерживала энергичной жестикуляцией.

На зеленой траве поляны красочно расположилась импровизированная скатерть — самобранка, имеющая предложить своим клиентам весьма привлекательный набор напитков и того, чем эти напитки можно закусить.

Настоящий пикник собрал в кампанию людей, преследовавших в этой поездке совершенно разные цели, кроме конечно возможности приятно провести время в веселой компании.

Роман Сигора 30-летний парень бывший сотрудник одной из геодезических партий, а ныне «черный гробокопатель» бросив рюкзак с инструментами возле палатки и ополоснув руки под импровизированным умывальником, пластиковой полуторалитровой бутылкой с водой, привязанной к ветке дерева, неспешно подсел к компании.

— Никогда настоящий мужчина не позволит себе опоздать к шашлыку с водочкой Танюша, это единственное что нужно делать в строго установленные сроки.

Гарик Варданян отличный представитель «лиц кавказской национальности» мужчина до сорока лет ловко разлил напитки по стаканчикам и, подняв стакан, голосом небезызвестного генерала из популярной комедии произнес.

— Ну, за своевременность!

Пикник начался.

Из не представленных осталась только

Марина Русанова, бывшая модель ныне валютная интердевочка сопровождающая Гарика в его выходах в «свет» и Борис Котов владеец небольшого антикварного магазина.

Очаровательное создание 28 лет выглядящее на 20 обладатель прекрасной фигуры, шикарных волос и смазливого личика Марина для себя установила одно непреложное правило — всё в этом мире имеет свою цену. Себя она ценила в сто долларов за вечер. Пока она пользовалась большой популярностью у «новых русских» и не очень русских, но «новых». Но Марина чувствовала, что молодость уходит, а с ней уходит и красота, и спрос. Огромное количество конкуренток старательно теснили своими юными телами ее со специфического рынка секс услуг. Еще год другой и придется переходить в лигу рангом пониже. Но она уже привыкла к сладкой жизни, и вся ее суть бурно протестовала против неуклонного бега времени. Стараясь заработать на «черный день» она стала впутываться в разные авантюры. И однажды попала на крючок к главе одной из криминальных группировок Гарика Варданяну в своей среде известного по кличке «Гарри». А попала она так. Во время одной вечеринки она хорошенько подпоила клиента и незаметно подложила в его бокал таблеточку. Пока клиент спал в машине, подельщик

быстренько снял копии с его документов и электронных карточек. Пин-коды Марина запомнила, когда мужчина снимал деньги в банкомате. Дальше все должно было пройти чисто и гладко. Со счета любвеобильного клиента снималась определенная сумма в соседнем районе. Схема была уже опробована и неожиданностей не предвиделось. Поэтому, когда через несколько дней день двое мрачных парней грубо втолкнули Марину в фургон микроавтобуса, это для неё оказалось полной неожиданностью. Первоначальная мысль о банальном изнасиловании оказалась не верной. Мрачные индивидуумы на шикарную плоть, лежащую на полу автомобиля вниз лицом, явно не покушались, если не считать того, что толстая подошва кроссовки одного из похитителей находилась на ее спине. Наконец машина въехала под навес, какого-то складского строения. Марину мигом выдернули из салона и без всяких объяснений препроводили в одно из подвальных помещений без окон. Там сидели в креслах давешний клиент и Гарик. Перед ними на коленях стоял подельник Руслановой с разбитыми губами и за шиворот его держал хмурый кавказец. Гарик повернулся во вращающемся кресле к вошедшим.

— Ну, вот и пташка залетела к нам с добрыми вестями. Ты не хочешь нам сказать красивая, где денежки вот этого уважаемого человека.

Личность Гарика была Марине еще не известна, и она попыталась выкрутиться привычным приемом — перевести стрелки, на какого ни будь авторитета.

— В чем дело ребята? Если у вас какие-то проблемы обращайтесь к...

Дальше Марина назвала фамилию одного из своих клиентов авторитетного мужика в среде бандитов. Впечатления её тирада на присутствующих никакого не произвела.

Гарик только усмехнулся.

— Ну, зачем же тревожить столь уважаемого человека из-за такой шалавы как ты. Я думаю, мы сами решим все вопросы. Где деньги тварь?!

Резкая боль в затылке заставила Марину взвизгнуть. Один из стоявших за спиной похитителей резко потянул её за волосы вверх, заставив приподняться на цыпочки.

— Сделаем так, мы возмещаем человеку немедленно его ущерб, а вы граждане оплатите нам все расходы, связанные с этим делом. Итак, подведём итог. С тебя красавица и твоего уroda причитается 10 штук зелени.

Соучастник изъятия наличности с чужих кредиток пискнул с полу.

— Там было только 1200!

Пинок коленом заставил его заткнуться.

Гарик проигнорировал замечание паренька и

продолжал, глядя на Марину.

— Если через пять дней не принесешь долг, включим «счетчик», а не справишься с долгом твоему другу и тебе будет вава. А там глядишь, и ваши родные надумают к вам присоединиться. Всё базар окончен. Проводите молодых людей.

Те же молчаливые ребята вывезли парочку на берег Кубани и выкинули из машины.

Положение было аховым. Таких денег ни у Марины, ни у ее подельника не было. Несмотря на то, что через их руки проходили суммы солидные в этих руках они никогда не задерживались. Занять такие деньги было нереально. Оспаривать требование Варданяна было не у кого. Клиенты даже солидные из-за неё связываться с криминальным авторитетом, безусловно, не захотят. Предложение подельщика смыться и лечь на дно Русланову никак не устраивало. Она привыкла к хорошей жизни, а о том, как живут, скрывающиеся от кредиторов должники представление у неё было хорошее. Парочка её бывших клиентов, побывавших в такой ситуации просветили её по данному вопросу. Жить в постоянном страхе по случайным квартирам и боясь, высунутся не то что в ресторан, но даже в магазин это явно не для неё. Однако к указанному сроку требуемую сумму денег собрать не удалось и

в отработку долга пришлось идти к «Гарри» на «работу».

Гарик Варданян был примечательной личностью в криминальном мире.

В молодости он был неплохим спортсменом тяжелоатлетом. Занятия штангой закалили характер и наградили хорошей фигурой. Ему прочили неплохую карьеру спортсмена и возможно тренера. Ибо просматривался у паренька талант организатора и лидера. Но по молодости Варданян залетел по статье за злостное хулиганство. И дальнейшая судьба его сделала резкий поворот. А дело было так. Однажды вечером после нескольких рюмок в баре с одним из своих друзей по секции, Гарик шел к себе на квартиру.

В парке Горького к нему подошли трое парней, потребовав, поделится содержимым карманов. Естественно такая наглость должна быть наказана, и Гарик сцепился с новоявленными экспроприаторами. Схватку прекратили подоспевшие милиционеры.

В отделении составили протокол и записали показания свидетелей. Дальнейшее следствие напоминало рассказ «Хамелеон». Следователь высокий худощавый мужчина в цивильном костюме сначала грозил горе — хулиганам карами уголовного кодекса, но после появления

респектабельных родителей последних и короткой беседы с ними наедине спешно переменял линию поведения. Теперь получалось, что нападавшей стороной являлся Гарик, в состоянии алкогольного опьянения набросившийся на несчастных невинных ребяташек. Показания свидетелей также волшебным образом поменялись. В суде резкий по характеру Гарик и к тому же без денег и связей явно проигрывал хорошо оплаченным адвокатам противной стороны. Получив два года «химии» Варданян бросился писать протесты. Но страна входила в период перестройки, и его делом так никто толком не занялся. С тех пор Гарик вынес твердое убеждение, что в этом мире деньги и власть играют главенствующую роль. Ну а поскольку к любой власти можно было прийти только при помощи денег, возник вопрос их получения. Бывший студент института физкультуры вспомнил изречение классика политэкономии, что первичное накопление капитала может быть только преступным, и решил не изобретать ничего нового. Созданная им группа бывших спортсменов поначалу занялась банальным рэкетом. Кооператоры, напуганные беспределом, от греха подальше предпочитали отстёгивать новоявленным защитникам определенные суммы, благо поначалу те запрашивали не так уж и много, да и шугали других своих конкурентов старательно. Вкус

первых шальных денег вскружил Гарику голову. Отрезвление пришло довольно быстро. В один прекрасный день к нему в кафе подсел гражданин, по наколкам которого можно было определить, что часть своей сознательной жизни он провел в местах, которые в то время называли «не столь отдаленными». Спокойно, но уверенно незнакомец объяснил, что они влезли на чужую территорию, а это грозит осложнениями. Молодые и горячие ребята сначала хотели намять бока незваному гостю, но Гарик, имевший уже некоторый опыт и по наколкам сообразивший, что перед ним не простой лох, но человек в авторитете и предложил встретиться попозже.

Дальше все происходило как в кино. Была «стрелка», на которой сильная воровская команда доминировала и численно и по вооружению. Пришлось уступить и Гарик понял, что для того чтобы на равных конкурировать с другими группировками нужно изменить либо состав, либо настрой в своей. Время благородных разбойников кончилось. Вокруг шла жестокая борьба за деньги и сферы влияния. И «Гарри» включился в эту борьбу со всей силой и злостью, что была у него. Через несколько лет его группировка стала одной из самых влиятельных в Краснодаре. Методы воздействия на противников были самыми радикальными. Даже отмороженные чеченские

группы не хотели без нужды связываться со сбитой командой бывших спортсменов. Но со временем и ростом капитала Гарик понял, что деньги должны служить лишь проводником для достижения цели, а не самой целью. Нужна была респектабельность для вхождения в более цивилизные слои общества. Потихонечку деятельность его группы стала переходить на более цивилизованные рельсы, благо накопление первичного капитала было уже проведено. Деньги и довольно немалые были успешно пристроены и давали очень даже приличную прибыль. Хватало и на содержание своих братков, и на прокорм оравы людей, облеченных властью, дабы последние этой самой властью поменьше пользовались по прямому назначению. Кроме того, у новой группы появился новый приличный заработок — ребята разводили на деньги зарвавшихся лохов. В их число и угодил Котов. Когда тот по неведению перехватил у «Гарри» выгодный земельный участок первым желанием последнего было послать ребят для проведения воспитательной беседы с наглцом. Но внимательно проанализировав ситуацию, Варданян решил работать тоньше. Он решил прибрать к рукам и участок, и квартиру и самое главное престижный бизнес зарвавшегося лоха.

Распоряжаться судьбой древних находок, что могло более приблизить его к бомонду и элите

нового общества? Дальше все проходило по четко отработанному плану. Он через общих знакомых навел Бориса на «выгодную» квартиру, он ссудил ему деньги под очень маленький процент, его подставное лицо оказалось «покупателем» злосчастной квартиры, и его ребята отпугивали возможных покупателей от недостроенного особняка Котова. Информация о финансовых трудностях умело запущенная в нужные круги лишала жертву любой возможности на получение, какого-либо серьезного кредита. Вдобавок Марина профессионально сумела раскрутить клиента на остатки денег. Петля неумолимо затягивалась вокруг Котова. Через пару недель включится «счетчик» добывая финансы незадачливого коммерсанта и очередное дело можно считать успешно завершённым.

Лет 8 назад в период азартного разграбления гос. собственности красиво обозванного приватизацией (что юморной российский люд обозвал более понятным и верным словом «прихватизация») молодой выпускник КГУ Роман Сигора оказался, что называется не у дел. Стартового капитала его престарелые родители всю жизнь проработавшие в одном из отдаленных колхозов и, как водится, к старости сумевшие заработать лишь кучу болячек дать не могли.

Зарплата геодезической партии могла позволить лишь просуществовать и не околеть с голоду. Временные халтуры большого дохода тоже дать не могли. Короткая семейная жизнь с сокурсницей принесла только разочарования. Супруга, единственная дочка в семье «новой элиты», отнеслась к скоропалительному браку как к очередному развлечению и к радости своих родителей рассталась со свидетельством о браке легко и не принужденно. Но для Сигоры этот разрыв прошел болезненно и послужил хорошим уроком. Когда прошла первая боль, и на её место пришло осознание, что прошедшее все-таки было просто сексуальным влечением хоть и очень сильным слова поэта «чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей» стали его жизненным девизом. Жизнь Романа текла без взлетов, но надо признать и без падений. Благодаря своей внешности (как в песне у Высоцкого «он вышел ростом и лицом») и свободе от семейных уз женским вниманием обделен не был, впрочем, всегда умудряясь прекращать романы, оставаясь при расставании просто хорошим знакомым. Решив никого больше не запускать к себе в сердце, он пресекал на корню любые поползновения на его свободу.

Знакомства с восточными единоборствами и почти ежедневные занятия в спортзале,

принадлежащем хорошему знакомому, позволяли поддерживать отличную физическую форму. А занятия биоэнергетикой в одном из клубов любителей необычного позволили интересно и с пользой проводить оставшееся свободное время. Финансовая нестабильность, долго державшая Романа в состоянии легкого напряжения, разрешилась одним весенним вечером. Возвращаясь с тренировки в спортзале, он услышал возню в подъезде своего дома. Зайдя внутрь, он стал свидетелем картины простой до ужаса. Два субъекта неприятной наружности пытались вырвать какой-то сверток из рук третьего, который тот прижимал к животу двумя руками.

На вежливое предложение Романа о прекращение беспорядков последовало совсем не вежливое послание на нехитрую комбинацию из трех русских букв.

Поскольку предложенный вояж не входил в планы Романа, его участие в данной сцене перешло из категории свидетеля в разряд участника в кратчайшее время и в очень убедительной форме объяснившего оппонентам всю глубину их заблуждений. Когда посрамленный противник поспешно покинул поле битвы, оказалось, что спасенный им гражданин — торговец раритетами, найденными «черными копателями» Борис Котов. В квартире коммерсанта, куда зашли после

неприятного инцидента новые знакомые мирно соседствовали самые современные блага цивилизации с вещами разных эпох. За бутылочкой хорошего коньяка Борис объяснил спасителю, что перепродажа находок является очень доходным, хотя и рискованным бизнесом. В свертке, которым пытались завладеть горе-грабители, находились несколько солдатских медальонов и орденов немецкой армии времен второй мировой.

Общая стоимость свертка превышала годовую зарплату Романа в два раза.

Узнав о месте работы и доходах собеседника, Борис сразу же предложил работать на него. В геодезической партии у Романа давно не ладились отношения с начальником. Типичный представитель старой номенклатуры, начальник являл собой озлобленного субъекта, оттертого от кормушки на обочину жизни и люто ненавидящий любое проявление успеха в личной жизни у подчиненных. Сигора, как предмет обожания большей части представительниц прекрасного пола, партии, да еще к тому же постоянно имеющий собственное мнение, вызывал у руководства бешенство, выражавшееся в мелких придириках и постоянном брюзжании о падении морали у современной молодежи. Так что с прежней работой Роман расстался без особого сожаления.

Новая работа полностью устраивала его. Она

давала полную свободу во времени и почти полностью решала финансовые проблемы. Искать раритеты на местах бывших боев или у случайных владельцев было намного интереснее, чем производить топографическую съемку местности под будущие коттеджи и офисы «новых русских». Поскольку для новой работы требовалось обладать необходимыми знаниями, Роман всерьез засел за научную литературу по истории и археологии. Постепенно история захватила его, полностью оттеснив на второй план финансовую сторону дела.

Котова увлечения нового подопечного сначала раздражали, поскольку уменьшали приток раритетов, а, следовательно, и денег, но затем, когда Роман принес несколько вещей древних а, следовательно, очень дорогих очень заинтересовали. Он предложил организовать для поисков довольно крупную партию, но Сигора отказался, предпочитая работать вдвоем со Славиком Егоровым двадцатилетним пареньком, с которым он сошелся во время одной из своих поездок в горы.

В конце лета в горах Кавказа прошли проливные дожди. Потоки воды сносили со склонов целые пласты породы. Непогода застала Романа во время очередного выхода в горы. Пересидев дождь в одной из пещер, он двинулся к ближайшему поселку, лежащему в предгорьях. Настроение было

препаршивейшим. Рассказ «очевидца» своими глазами видевшего остатки блиндажа оказались, как это часто бывает обычной липой. Неделя поисков оказалась бесплодной. Единственным утешением было то, что Роман любил бродить по горам в одиночестве. Те, кто бывал на Кавказе знают, как легко влюбится в это чудо природы. То, что российская безалаберность использует их огромный реакриционный ресурс на мизерный процент, позволило сохранить массу почти не потревоженных мест. И идя по склону горы легко представить, что находишься в первозданном мире где никого кроме тебя нет. Правда в последнее время развелась масса любителей самоходного туризма, не смотря на близость «горячих точек». Кроме того, в горах шастала масса другого люда весьма своеобразных увлечений от искателей мумиё до бандитов и наркокурьеров. Но непогода разогнала всех по домам.

Стараясь не поскользнуться на размытом склоне, цепляясь за ветки кустов Роман, стал спускаться вниз. Шипованные американские ботинки, предназначенные для грузинского спецназа, но по прихоти коммерции, оказавшиеся на рынке Краснодара, прочно удерживали его от падений. Вообще сейчас в отличие от советских времен вопрос экипировки упирался только в размеры вашего кошелька. В магазинах и на рынке

можно было вооружить и оснастить спецназ небольшого государства.

Водный поток оказался настолько мощным, что, вырвавшись из старого русла, хлынул по ложине, сметая кустарник, молодые и старые деревья размывая почву. Неожиданно взгляд Романа задержался на выступавшей из размытой почвы груде камней. В их расположении угадывалась некая правильность. Подойдя ближе и осмотрев находку, он был почти уверен, что перед ним остатки какого-то строения долгое время скрытого осадочными породами, но открытого прошедшим водным потоком. Судя по состоянию кладки, находка была очень древней. От предчувствия удачи сердце выбросило в кровь порцию адреналина. Быстро сбросив на поваленный ствол дерева рюкзак и верхнюю одежду, Роман приступил к работе. Первым делом, сфотографировав кладку из нескольких положений, он принялся саперной лопаткой расчищать остатки строения. Работа продвигалась медленно, саперная лопатка не самый оптимальный инструмент для очищения многовековых наносов. И все-таки к концу дня очертания основания башни вырисовывались довольно очевидно. Разогнувшись, Роман, огляделся и в принципе остался доволен проделанной работой. Отдыхая, он прошелся по центру расчищенной площадки и вдруг с треском

провалился вниз. Раскинутые в стороны руки схватили только комья осыпающейся земли. Сердце захватила волна страха, а в мозгу успела мелькнуть мысль о глубоком колодце. К счастью через мгновение он стоял на полу не глубокого подвала. Унимая бешено колотящееся сердце, Роман осматривался в помещении, куда он так неожиданно угодил. Подвал глубиной метра три занимал пространство под основанием башни. По углам из темноты выступали очертания каких-то предметов, а в центре лежали кости, на которых сохранились полу истлевшие клочья одежды. Возле останков лежали какие-то предметы. Нагнувшись, Роман, поднял один из них. Это был бронзовый амулет и такие ему еще не встречались. Изображения на нем почти не просматривались. Собрав оставшиеся амулеты, Роман стал выбирать. Для тренированного парня это особых хлопот не доставило. Остаток дня ушел на то, чтобы завалить место раскопок ветками сушняка. Упаковав находки в рюкзак, Роман двинулся к поселку. Ночной переход его не пугал. Из опасных зверей в этих местах кроме человека здесь никого не водилось. Но местность он знал очень хорошо. А в качестве последнего аргумента для нехороших представителей «хомо сапиенс» на плече у него в кобуре висел вполне боеспособный «ГТ» найденный им на местах боев.